

Бай Ван, терзаемый тревожными мыслями, ворочался на кровати в Павильоне Собрания Мудрецов, никак не находя покоя. Лишь когда забрезжил рассвет и взошло солнце, он в полудреме провалился в объятия Морфея.

Проснувшись, он обнаружил, что уже перевалило за полдень. Бай Ван в сердцах обозвал себя свиньей, но стоило ему поспешно вскочить, как голову пронзила острая боль от долгого сна.

— Ох, небось передумал вчера лишнего, вот и расплачиваюсь за бессонную ночь, — пробормотал он. Кое-как умывшись, Бай Ван сел за стол, но голова всё еще неприятно пульсировала.

Он как раз массировал виски, когда в дверь тихо постучали. Бай Ван замер, гадая, кто бы это мог быть, и поднялся, чтобы открыть.

На пороге стоял он — с холодным, пронзительным взглядом и благородной осанкой.

Неизвестно почему, но в глубине души Бай Вана всколыхнулась радость, подобная вкусу выдержанного вина — пьянящая, но от которой не хотелось отказываться.

— Даос, — Бай Ван улыбнулся, прищурив глаза, и посторонился, пропуская гостя внутрь. Лишь тогда он заметил, что Инь Хуайсянь держит в руках корзинку с едой.

Инь Хуайсянь поставил её на деревянный круглый стол и открыл крышку — комнату тут же наполнил манящий аромат блюд.

Бай Ван, не евший со вчерашнего дня, почувствовал, как у него заурчало в животе, а глаза загорелись.

Поскольку ученики на прямом обучении уже давно перешли на пигу, а разводить огонь на горе запрещено, эти яства, должно быть, Инь Хуайсянь принес с подножия горы.

Бай Ван церемониться не стал. Он сделал несколько шагов, собираясь сесть, как вдруг в голове загудело, ноги подкосились, и он пошатнулся. Опомившись, он понял, что Инь Хуайсянь одной рукой поддерживает его за локоть, а в глазах его читается нескрываемая тревога.

— Всё в порядке, просто не выспался, — Бай Ван успокаивающе улыбнулся. Он сел за стол и, взяв палочки, замер в изумлении: на столе стояли именно те блюда, которые он любил больше всего.

В сердце Бай Вана вновь закралось подозрение: неужели Инь Хуайсянь тоже переродился?

Впрочем, сейчас это было неважно — еда была важнее.

— Даос, составите компанию? Хотя вы ведь на пигу, вам не нужно... — не успел он договорить, как Инь Хуайсянь сел напротив и тоже взял палочки. На душе у Бай Вана стало легко и спокойно. Он улыбнулся, попробовал кусочек и снова удивился — вкус блюд из города совершенно не изменился.

После трапезы Инь Хуайсянь убрал корзинку. Вид у него был такой, будто он не от мира сего, и эта бытовая суэта смотрелась на нём непривычно, но Бай Ван наблюдал за этим с довольной улыбкой.

— Голова всё еще кружится? — Инь Хуайсянь поднял взгляд и негромко спросил.

— А? О, уже нет. Сытый желудок — лучшее лекарство, — рассмеялся Бай Ван. — Хотите, сальто назад сделаю, чтобы доказать?

Инь Хуайсянь проигнорировал его шутливый тон. Он протянул тонкие пальцы, коснулся уголка глаза Бай Вана и слегка надавил на висок.

Бай Ван почувствовал, как прохладные, словно иней, пальцы Инь Хуайсяня, наполненные легкой духовной энергией, начали массировать его точки. Это было так приятно, что усталость от вчерашней бессонной ночи мгновенно испарилась, и Бай Ван невольно прикрыл глаза.

Однако вскоре Инь Хуайсянь убрал руку. Бай Ван хотел было спросить, в чем дело, но не успел открыть глаза, как в дверь снова постучали.

Озадаченный Бай Ван открыл дверь и увидел на пороге Цю Хуапин и Лю Вэньмина.

— Господин Бай, — улыбнулась Цю Хуапин. Не успела она закончить фразу, как они оба заметили в комнате Инь Хуайсяня.

— Старший брат, — поздоровалась Цю Хуапин.

Взгляд Лю Вэньмина потемнел, но он тоже сухо произнес: — Старший брат.

Инь Хуайсянь кивнул в ответ, молча взял со стола корзинку и вышел из комнаты.

— Эй, даос! — Бай Ван не успел среагировать и лишь проводил взглядом удаляющуюся спину.

— Господин Бай, вы уже поели? — смущенно спросила Цю Хуапин.

Только тогда Бай Ван заметил, что она тоже держит корзинку.

— Заходите, — пригласил он.

Не успели они сесть, как в дверь снова постучали. Бай Ван подумал: что происходит? Неужели в этой комнате спрятано сокровище, раз здесь такой наплыв гостей?

Сбитый с толку, он снова пошел открывать. За дверью стояла толпа юношей в белых одеждах. Сюй Ую улыбнулся:

— Господин, мы, ученики на горе, на пигу, поэтому тайком спустились поесть... Вто-вто-второй старший брат?! Старшая сестра?! Я... я ничего не говорил!

Цзян Лань приложил руку ко лбу, не в силах вымолвить ни слова.

— Заходите, заходите, — радушно пригласил Бай Ван, и юноши гурьбой ввалились в комнату.

Подумав, что раз уж собрались все, лучше сказать всё сразу, Бай Ван улыбнулся:

— Благодарю всех почтенных молодых героев за внимание. Сегодня я покидаю гору, надеюсь, еще свидимся.

Как только он это произнес, все замерли, переглядываясь друг с другом.

— Господин, вы уходите сегодня? — изумился Цзян Лань.

— Да. Я ведь не ученик на прямом обучении секты Цинсюй Цзюсяо. Раз я гость, то должен уйти, как только дела будут закончены, — ответил Бай Ван. Он поклонился и уже собрался собирать вещи, как вдруг его окружили юноши:

— Господин, не уходите!

— Но я не ученик на прямом обучении, мне нельзя подолгу оставаться на вершине горы.

— Мы примем вас в ученики! Прямо сейчас! — наперебой закричали юноши.

Принять в ученики? Так просто? С каких пор секта Цинсюй Цзюсяо стала такой неразборчивой?

— Я ведь еще не прошел проверку духовного корня... — с трудом проговорил Бай Ван.

— Проверим! Прямо сейчас и проверим!

Обычно проверку духовного корня новички проходят у подножия горы. Чтобы стать учеником секты Цинсуй Цзюсяо, нужно обладать способностями выше среднего.

Лишь те, у кого выдающийся корень, безупречная репутация и усердие в тренировках, имеют шанс стать учениками на прямом обучении.

Бай Ван прекрасно знал, что его духовный корень никуда не годится, поэтому давно приготовился к уходу. Он думал, что пройдет проверку у подножия и сразу уйдет, чтобы не привязываться к горе Цинсуй еще сильнее.

Но его притащили напрямик в Мастерскую Линмяо.

Это было единственное место на вершине горы, где можно измерить духовный корень, и здесь же жили Чэньшу Саньжэнь и Цю Хуапин. Чэньшу Саньжэнь не носила меча, не изгоняла демонов и не рубила нечисть, однако она была вторым по значимости мастером секты Цинсуй Цзюсяо. Многие, кто слышал об этом впервые, недоумевали, почему.

На это всегда отвечали с улыбкой: она исцеляет мир, спасает жизни, и её доброе сердце лечит всех нуждающихся.

Ходили слухи, что однажды в маленьком городке на северо-западной окраине вспыхнула странная болезнь: люди страдали от высокой температуры, отекали и умирали в муках. Болезнь распространялась, и все вокруг боялись приближаться к городку, как к логову тигра. Лишь Чэньшу Саньжэнь, не страшась смерти, с аптечкой за спиной в одиночку вошла в город.

Спустя несколько месяцев бессонных ночей, повидав самые страшные формы болезни, она действительно нашла исцеление и остановила эпидемию.

Подобных историй было множество.

Впрочем, последние годы Чэньшу Саньжэнь редко показывалась на людях, передав свои дела ученице — Цю Хуапин.

Группа юношей осталась ждать снаружи, пока Цю Хуапин вошла доложить о них. Получив разрешение, они, затаив дыхание, вошли внутрь. В Мастерской Линмяо пахло травами. Чэньшу Саньжэнь в зеленом одеянии и с белой вуалью на лице стояла в главном зале, ожидая их.

Войдя, все поспешили отвесить поклон.

Чэньшу Саньжэнь окинула всех взглядом и остановила его на Бай Ване:

— Господин Бай, вы хотите проверить духовный корень?

— Да, прошу прощения за беспокойство, — почтительно поклонился Бай Ван.

— Никакого беспокойства. Пин'эр, принеси зеркало, — улыбнулась Чэньшу Саньжэнь.

Цю Хуапин опустила взгляд, ответила согласием и удалилась во внутренние покои, вскоре вернувшись с древним бронзовым зеркалом.

Чэньшу Саньжэнь взяла его и поманила Бай Вана рукой.

Он снова поклонился, подошел и положил левую руку на зеркало. Вскоре по поверхности, словно по воде, пошли круги.

Через мгновение Бай Ван убрал руку, и на зеркале проступили письмена.

Юноши невольно вытянули шеи, даже Лю Вэньмин и Цю Хуапин впились в зеркало взглядами.

В зале воцарилась мертвая тишина.

Бай Ван взглянул на результат и невольно смущенно потер лицо.

— Это... это... разве может быть ошибкой? — спустя долгое время заикаясь, спросил Сюй Ую.

— Ошибки нет, — Чэньшу Саньжэнь убрала зеркало и слегка покачала головой.

— Но... как же... — Сюй Ую пытался что-то сказать, но Цзян Лань ущипнул его, и он замолчал.

Бай Ван, глядя на их ошарашенные лица, не сдержал улыбки.

Чему так удивляться? Не видели бесполезный корень? Ну да, наверное, действительно не видели. Честно говоря, такой корень — вещь редкая.

Бесполезный корень означал лишь одно: не стоит и пытаться идти путем самосовершенствования, проще уж поднять восстание и стать царем.

Бай Ван решил, что пора уходить, и, быстро поклонившись, собрался было ретироваться, но Цю

Хуапин остановила его:

— Пойдите! Учитель, даже если корень бесполезен, его ведь можно очистить и пересоздать, верно?

— Точно, можно же очистить, — тихо поддакнули вокруг.

Не дожидаясь ответа Чэньшу Саньжэнь, Бай Ван рассмеялся:

— К чему такие сложности? Очищение корня — дело долгое и требует огромных сил. С чего бы мне утомляться такой чести?

Вокруг снова воцарилось молчание.

— Господин Бай, — мягко произнесла Чэньшу Саньжэнь, — вы решили уйти с горы?

— Да. Я человек никчемный, боюсь, если останусь в секте Цинской Цзюсяо, это лишь повредит её репутации, — опустил глаза Бай Ван.

Чэньшу Саньжэнь тихо рассмеялась:

— Господин Бай, в секте нет правил, запрещающих оставаться тем, у кого бесполезный корень. А что, если я скажу, что вам не нужно беспокоиться о духовном корне? Живите в секте спокойно.

Бай Ван замер, а затем тихо пробормотал:

— Я не достоин...

— Господин Бай, не давите на себя, примите решение сами, — голос Чэньшу Саньжэнь оставался мягким. — Судьба предрешена небом, главное — не жалеть о выборе.

Бай Ван долго стоял в молчании. Наконец он поклонился Чэньшу Саньжэнь и остальным, взял свои вещи и, высоко подняв голову, зашагал вниз по тропе.

Но не успел он отойти далеко, как остановился.

На ступенях, высеченных из синего камня, словно изваяние из нефрита, стоял он. Горный ветер развеивал его темные волосы, фигура была прямой, полы одежды трепетали на ветру. Его взгляд был холоден, но он не сводил глаз с Бай Вана.

Бай Ван сменил свою привычную улыбку на серьезное выражение лица и тихо произнес:

— Даос, я ухожу.

<http://bllate.org/book/19399/1899637>